

Габриэль Гарсиа Маркес

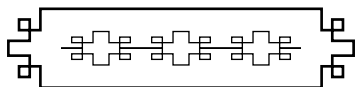
Габриэль
Гарсиа Маркес

Сто лет
одиночества

Издательство АСТ
Москва

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ХОМИ ГАРСИИ АСКОТ
И МАРИИ ЛУИЗЕ ЭЛИО

Много лет спустя, перед самым расстрелом, полковник Аурелиано Буэндия припомнит тот далекий день, когда отец повел его поглядеть на лед.

Макондо был тогда небольшим поселком из двадцати глинобитных, с камышовыми кровлями домишек, стоявших на берегу реки, которая несла свои прозрачные воды по ложу из белых, гладких и огромных, как доисторические яйца, валунов. Мир был таким первозданным, что многие вещи не имели названия и на них просто тыкали пальцем. Каждый год в марте месяце лохмотное цыганское племя ставило свой шатер близ поселка, и под звонкое дребезжание бубнов и визготню свистулек пришельцы показывали жителям новейшие изобретения. Вначале они привезли магнит. Коренастый цыган с кудлатой бородой и воробыиными руками-лапками назвал свое имя — Мелькиадес — и стал демонстрировать обомлевшим зрителям не что иное, как восьмое чудо света, сотворенное, по его словам, учеными-алхимиками из Македонии. Цыган ходил из дома в дом, потрясая двумя брусками железа, и люди вздрагивали от ужаса, видя, как тазы, кастрюли, жаровни и ухваты подпрыгивают на месте, как поскрипывают доски, с трудом удерживая рвущиеся из них гвозди и болты, а вещицы, давным-давно исчезнувшие, объявляются именно там, где все было пере-

рыто в их поисках, и скопом несутся к волшебному железу Мелькиадеса. «Всякая вещь — живая, — объявил цыган категорично и сурово. — Надо только суметь разбудить ее душу». Хосе Аркадио Буэндиа, чье необузданное воображение превосходило чудотворный гений самой природы и даже силу магии и волшебства, подумал, что неплохо было бы приспособить это в общем никчемное открытие для выуживания золота из земли. Мелькиадес, будучи человеком порядочным, предупредил: «Ничего не получится». Но Хосе Аркадио Буэндиа тогда еще не верил в порядочность цыган и променял своего мула и нескольких козлят на две намагниченные железки. Урсула Игуаран, его жена, хотела за счет домашней скотины увеличить скромный семейный достаток, но все ее уговоры были напрасны. «Скоро золотом дом завалим, девать будет некуда», — отвечал муж. Несколько месяцев кряду он усердно отстаивал неопровержимость своих слов. Шаг за шагом прочесывал местность, даже русло реки, таща за собой на веревке два железных бруска и повторяя громким голосом заклинание Мелькиадеса. Единственное, что ему удалось обнаружить в недрах земных, были насквозь проржавевшие военные доспехи пятнадцатого века, глухо звякавшие при постукивании, как сухая тыква, начиненная камнями. Когда Хосе Аркадио Буэндиа и его четверо помощников разобрали находку на части, под латами оказался белесый скелет, на темных позвонках которого болталась ладанка с женским локоном.

В марте цыгане пришли опять. На этот раз они принесли подзорную трубу и лупу величиной с бубен и выдавали их за последнее изобретение евреев из Амстердама. Они посадили в другом конце поселка

свою цыганку, а трубу поставили у входа в шатер. Уплатив пять реалов, люди прилипали глазом к трубе и видели перед собой цыганку в мельчайших подробностях. «Для науки нет расстояний, — вещал Мелькиадес. — Скоро человек, не выходя из дому, увидит все, что творится в любом уголке земли». Однажды в жаркий полдень цыгане, манипулируя своей огромной лупой, устроили потрясающее зрелище: на охапку сена, брошенного среди улицы, они направили пучок солнечных лучей, и сено полыхнуло огнем. Хосе Аркадио Буэндиа, который не мог успокоиться после провала своей затеи с магнитами, тотчас сообразил, что это стекло можно использовать как боевое оружие. Мелькиадес снова попытался отговорить его. Но в конечном счете цыган согласился отдать ему лупу в обмен на два магнита и три золотые колониальные монеты. Урсула рыдала от горя. Эти деньги пришлось вытаскивать из сундучка с золотыми дублонами, которые ее отец копил всю свою жизнь, отказывая себе в лишнем куске, и которые она хранила в дальнем углу под кроватью в надежде, что подвернется счастливый случай для их удачного применения. Хосе Аркадио Буэндиа не соизволил даже утешить жену, отдавшись своим нескончаемым экспериментам с пылом истого исследователя и даже с риском для собственной жизни. Стремясь доказать губительное воздействие лупы на живую силу противника, он сфокусировал солнечные лучи на себе самом и получил сильнейшие ожоги, обратившиеся в язвы, которые с трудом заживали. Да что там, — он не пожалел бы и собственный дом, если бы не бурные протесты жены, уstraшенной его опасными трюками. Долгие часы проводил Хосе Аркадио в своей комнате, рассчитывая стратегическую

боеспособность новейшего оружия, и даже написал наставление, как его применять. Это удивительно доходчивое и неотразимо обоснованное наставление он отправил властям вместе с многочисленными описаниями своих опытов и несколькими рулонами пояснительных чертежей. Его гонец перебрался через горы, чудом вылез из бескрайней трясины, переплыл бурные реки, едва спасся от диких зверей и чуть не погиб от отчаяния и всякой заразы, прежде чем доплелся до дороги, где возили почту на мулах. Хотя поездка в столицу была по тем временам затеей почти нереальной, Хосе Аркадио Буэндия обещал приехать по первому распоряжению Правительства, чтобы продемонстрировать военным властям свое изобретение на практике и лично обучить их сложному искусству солнечных войн. Несколько лет ждал он ответа. Наконец, отчаявшись чего-нибудь дожидаться, он поделился с Мелькиадесом своим горем, и тут цыган предъявил неоспоримое доказательство своей порядочности: забрав назад лупу, вернул ему золотые дублоны, да еще дал несколько португальских мореходных карт и кое-какие навигационные приборы. Цыган собственноручно написал для него краткий конспект поучений монаха Германа, как пользоваться астрольбией, буссолью и секстантом. Хосе Аркадио Буэндия провел долгие месяцы дождливого сезона, запершись в сарае, специально пристроенном к дому, чтобы никто не мешал ему в его изысканиях. В сухую пору, полностью забросив домашние дела, он проводил ночи напролет в патио, наблюдая за ходом небесных тел, и едва не получил солнечный удар, стараясь точно определить зенит. Когда он в совершенстве овладел знаниями и инструментами, у него появилось блаженное ощущение

ние необъятности пространства, что позволяло ему плавать по незнакомым морям и океанам, бывать на необитаемых землях и вступать в сношения с восхитительными созданиями, не покидая своего научного кабинета. Именно в это время он приобрел привычку разговаривать сам с собой, прохаживаясь по дому и никого не замечая, тогда как Урсула в поте лица своего трудилась с детьми на земле, выращивая маниоку, ямс и малангу, тыквы и баклажаны, ухаживая за бананами. Однако ни с того ни с сего лихорадочная деятельность Хосе Аркадио Буэндии вдруг прекратилась, уступив место странному оцепенению. Несколько дней он сидел как замороженный и непрерывно шевелил губами, словно повторял какую-то поразительную истину и сам не мог поверить себе. Наконец, в один из декабрьских вторников, за обедом он разом сбросил с себя груз тайных переживаний. Его дети до конца жизни будут помнить ту величественную торжественность, с какой их отец занял место во главе стола, трясаясь как в лихорадке, изнуренный бессонницей и бешеной работой мозга, и сообщил о сделанном им открытии: «Наша земля круглая, как апельсин». Терпение Урсулы лопнуло: «Если ты хочешь вконец спятить — дело твое. Но детям не забивай мозги цыганской брехней». Хосе Аркадио Буэндиа, однако, и глазом не моргнул, когда жена в гневе грохнула астролябию об пол. Он смастерил другую, собрал в сарайчике односельчан и, опираясь на теорию, в которой никто из них ничего не смыслил, рассказал, что, если все время плыть на восток, можно опять оказаться в точке отправления.

Поселок Макондо уже склонялся к тому, что Хосе Аркадио Буэндиа сошел с ума, но тут явился Мельки-

адес и все расставил по местам. Он публично воздал должное разуму человека, который, наблюдая за ходом небесных светил, теоретически доказал то, что практически уже давно доказано, хотя пока еще и не известно жителям Макондо, и в знак своего восхищения преподнес Хосе Аркадио Буэндии подарок, которому было суждено определить будущее поселка: полный набор алхимической утвари.

К этому времени Мелькиадес уже заметно постарел. В годы первых своих посещений Макондо он выглядел ровесником Хосе Аркадио Буэндии. Но если тот еще не потерял свою силищу, позволявшую ему валить наземь коня, ухватив его за уши, то цыган, казалось, хирел от какой-то неодолимой болезни. На самом же деле это были последствия многих экзотических хворей, подхваченных им в бесчисленных странствиях по белу свету. Он сам рассказывал, помогая Хосе Аркадио Буэндии устраивать свою алхимическую лабораторию, что смерть грозила ему на каждом шагу, хватала за штанину, но никак не решалась добить. Он сумел увильнуть от многих бед и катастроф, казнивших род людской. Спасася от пеллагры в Персии, от цинги в Малайзии, от проказы в Александрии, от бери-бери в Японии, от бубонной чумы в Мадагаскаре, уцелел при землетрясении на Сицилии и при страшнейшем кораблекрушении в Магеллановом проливе. Этот чудодей, который говорил, что знает истоки магии Нострадамуса, был невеселым человеком, навевавшим грусть; его цыганские глаза, казалось, видели насквозь и вещи, и людей. Он носил большую черную шляпу, широкие поля которой колыхались, как крылья ворона, и бархатный жилет, позелененный патиной веков. Но при всей своей глубокой мудрости и непостижимой

сути он был плоть от плоти земных существ, застрявших в сетях проблем обыденной жизни. Его донимали старческие недуги, ему портили настроение мелкие денежные траты, он давно уже не мог смеяться из-за того, что цинга вытащила у него все зубы. Хосе Аркадио Буэндиа был уверен, что именно в тот душный полдень, когда цыган поведал ему свои секреты, зародилась их тесная дружба. Дети, раскрыв рот, слушали чудесные рассказы. Аурелиано — в ту пору пятилетний малыш — на всю жизнь запомнит Мелькиадеса, который сидел у окна под струями расплавленного солнца и своим низким, звучным, как орган, голосом ясно и понятно говорил о самых темных и непостижимых явлениях природы, а по его вискам ползли вниз горячие капли жирного пота. Хосе Аркадио, старший брат Аурелиано, завещает неизгладимое впечатление, оставленное этим человеком, всему своему потомству. Урсула, напротив, долго будет с отвращением вспоминать о визите цыгана, потому что она вошла в комнату как раз тогда, когда Мелькиадес, взмахнув рукой, разбил пузырек с хлористой ртутью.

— Так пахнет дьявол, — сказала она.

— Ничего подобного, — возразил Мелькиадес. — Доказано, что дьявол пахнет серой, а это просто легкий запах сулемы.

И в продолжение своих откровений он стал было рассказывать о дьявольских свойствах киновари, но Урсула, не слушая его, увела детей молиться Богу. Тошнотворный запах навсегда сольется в ее памяти с образом Мелькиадеса.

Примитивная лаборатория располагала, не считая множества котелков, воронок, реторт и фильтров, маленькой печью, стеклянной колбой с длинным гор-

лышком (некоей имитацией «философского яйца») и дистиллятором, который смастерили сами цыгане, руководствуясь новейшими описаниями трехтрубного перегонного куба Марии Иудейской. Кроме всего прочего, Мелькиадес дал образцы семи металлов, соответствующих семи планетам; показал формулы Моисея и Зосимы для производства золота, оставил рисунки и заметки, раскрывающие секрет Великого осадка и позволяющие тому, кто в них разбирается, сотворить философский камень. Соблазненный простотой формулы получения золота, Хосе Аркадио Буэндия несколько недель и так и эдак подъезжал к Урсуле, чтобы она вытащила на свет Божий все свои золотые монеты и позволила приумножить их число на столько, на сколько капель можно разлить банку ртути. Урсула, как обычно, уступила бычьему упрямству мужа. Хосе Аркадио Буэндия бросает тридцать дублонов в тигель и, добавив медные опилки, аурипигменты, ртуть и свинец, все сплавляет воедино. Полученный слиток кидает в котел с касторовым маслом и кипятит на сильном огне до тех пор, пока масло не превращается в густое вонючее варево, по виду больше похожее на дешевое повидло, чем на драгоценный металл. После опасных и отчаянных опытов по выпариванию жидкости, по привариванию слитка к семи планетарным металлам, по его обработке герметической ртутью и купоросом и после повторной варки в свином сале — за неимением репейного масла — ценнейшее наследство Урсулы обратилось в кусок обугленной поджарки, намертво припекшейся ко дну котла.

Когда цыгане явились снова, Урсула уже успела настроить против них все селение. Но любопытство пересилило страх, ибо на сей раз цыгане остервенело

били в бубны и барабаны, а глашатай возвещал о том, что будет выставлено напоказ самое удивительное открытие неких назиянцев. И люди повалили к шатру, уплатили по сентаво, и пред ними предстал Мелькиадес — молодцеватый, подтянутый, гладколицый, с белыми блестящими зубами. Тех, кто помнил его изъеденные цингой десны, его ввалившиеся щеки и изжеванные губы, объял суеверный ужас перед этим неопровержимым доказательством сверхъестественных способностей цыгана. Ужас перешел в неопишное изумление, когда Мелькиадес вытащил изо рта обе челюсти вместе с розовыми деснами и минуту махал ими перед публикой, на эту короткую минуту опять сделавшись потрепанным жизнью стариком, — затем вставил зубы на место и снова широко заулыбался в горделивом сознании своей возвращенной молодости. Даже сам Хосе Аркадио Буэндиа подумал, что возможности Мелькиадеса граничат с всемогуществом сатаны, но на сердце у него полегчало, когда цыган открыл ему секрет вставных зубов. Это оказалось так просто, хотя выглядело так фантастично, что Хосе Аркадио Буэндиа сразу же утратил всякий интерес к алхимическим опытам. Его снова одолела хандра, он потерял аппетит и с утра до вечера бесцельно бродил по дому. «В мире творятся невероятные вещи, — говорил он Урсуле. — Даже рядом, на другом конце низины, каких только нет чудесных придумок, а мы тут живем, как стадо ослов». Люди, знавшие его со времен основания Макондо, диву давались, как он изменился под воздействием Мелькиадеса.

Прежде Хосе Аркадио Буэндиа был своего рода молодым патриархом, который указывал, когда сеять, советовал, как воспитывать детей и ухаживать за ско-

тиной, и сам помогал другим, не чураясь тяжелой работы, чтобы в общине царили мир и порядок. Поскольку его дом был построен первым, да к тому же добротно и красиво, люди в поселке строили свои жилища по его образцу и подобию. В доме Буэндии была светлая и большая комната для гостей, столовая на террасе, увитой яркими цветами, две спальни, дворик-патио с гигантским каштаном, а возле дома — большой ухоженный огород и корраль, где мирно соседствовали козы, свиньи и куры. В этом доме, как, впрочем, и во всем селении, не держали только одну живность — бойцовых петухов.

В работе Урсула не отставала от мужа. Сноровистая, дотошная, основательная женщина с крепкими нервами, которая не ведала, что такое петь песни, и умела сразу поспевать всюду, с утра и до вечера шуршала в доме своими легкими полотняными юбками. Благодаря ей земляной пол, глинобитные стены, грубая самодельная мебель были идеально чисты, а старые лари, где хранилась одежда, источали слабый аромат альбааки.

Хосе Аркадио Буэндия, который был самым смекалистым человеком в поселке, предложил строить дома в таком порядке, чтобы всем было одинаково удобно спускаться к реке за водой, и так пробить улицы среди деревьев, чтобы в полуденный зной каждый дом не жарился бы на солнце больше, чем соседний. За несколько лет Макондо превратился в самый процветающий и благоустроенный поселок из всех тех, которые когда-либо видели его триста жителей. Это действительно был счастливый поселок, где никому еще не было больше тридцати и где еще никто не умирал. В годы основания Макондо Хосе Аркадио Буэн-